

Митрофанов Павел Павлович

История Австрии

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П12

П12 **Павел Павлович М.**
История Австрии: Часть 1 / Митрофанов Павел Павлович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 167 с.

ISBN 978-5-519-96809-6

ISBN 978-5-519-96809-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Придунайскія земли въ первую половину средневѣковья.

О первоначальномъ населеніи той территоріи, которую нынѣ занимаетъ Австрія, мы не знаемъ ничего вѣрнаго и положительнаго. Жили тамъ автохтоны—первоначальные жители Европы, вытѣсненные потомъ пришельцами — арійцами, сохранившіеся въ видѣ жалкихъ остатковъ въ Пиренеяхъ подъ именемъ басковъ, какъ гласить одна теорія, или сами арійцы были первоначальными обитателями Европы, постепенно подъ восточнымъ влияніемъ перешедшими отъ цивилизаціи каменнаго вѣка къ болѣе высокой культурѣ,—все это рѣшенія, одинаково претендующія на правдоподобность, но неразрѣшимыя окончательно при современномъ состояніи науки. Даже греки, которые, при всей своей любознательности, были, въ сущности, плохими географами, не оставили намъ почти никакихъ извѣстій о придунайскихъ странахъ, и только римское завоеваніе внесло хоть слабый лучъ свѣта въ этотъ темный тогда уголокъ земного шара, хотя и здѣсь противорѣчій и пробѣловъ болѣе, чѣмъ было бы желательно для науки. Но въ общемъ можно принять почти за вѣрное, что за исключеніемъ небольшой части этрусковъ, поселившихся въ Тиролѣ, и, быть-можетъ, славянъ, утвердившихся на адриатическомъ побережьи, среднее теченіе Дуная было занято сперва кельтами, а потомъ германцами. Кельты одно время были господствующимъ племенемъ: весь средній бассейнъ великой рѣки былъ занятъ ими, и изгнаніе боевъ изъ Богеміи—уже историческое событіе. Но кельты не могли выдержать напора германцевъ: они сами были пришлымъ, немногочисленнымъ элементомъ, просочившимся изъ Галліи, откуда они въ теченіе IV, III и даже II в. до Р. Хр.—вспомнимъ нашествіе кимвровъ при Маріи—предпринимали опустошительные набѣги на юго-востокъ и юго-западъ, забираясь иногда очень далеко: такъ, напр., такіа разбойничьи шайки основали въ сердцѣ Малой Азіи галатское царство. Уже въ I в. до Р. Хр. германцы въ самой Галліи начинаютъ одерживать верхъ надъ кельтами, и Аріовистъ со своими дружинами былъ какъ бы предтечею конунговъ, наводнившихъ благословенную Богомъ страну въ эпоху великаго переселенія народовъ; войны Цезаря прекра-

тили какой бы то ни было притокъ свѣжихъ силъ изъ Галліи въ придунайскія страны, и въ очень скоромъ времени римское завоеваніе и колонизація положили предѣлъ соперничеству обѣихъ варварскихъ націй.

Началось это завоеваніе съ сѣверо-восточнаго угла Адриатическаго моря, гдѣ жили воинственные иллирійцы. Распространеніе римскихъ владѣній въ ту сторону было политической необходимостью: не говоря уже о дерзкомъ морскомъ разбоѣ далматинцевъ, близость Македоніи дѣлала эти племена опасными. Во вторую македонскую войну иллирійскій царь Гентій былъ союзникомъ Персея (168 г. до Р. Хр.); столица его Скутари была взята, и вся южная Иллирія завоевана и колонизована. Уже во времена Помпея и Цезаря эта мѣстность была вполне вовлечена въ сферу римскихъ интересовъ: цезаріанская Салона мужественно отбивалась отъ помпейскихъ легионовъ, и Цезарь счелъ возможнымъ сдѣлать Далмацію отдѣльной римской провинціей, пропреторомъ которой былъ назначенъ знаменитый Ватиній. При Октавіанѣ идетъ медленное поступательное движеніе римлянъ на сѣверъ, сопровождавшееся такими насиліями и жестокостями, что въ 6 г. по Р. Хр. вспыхнуло общее возстаніе далматинцевъ. Августъ считалъ этотъ мятежъ весьма опаснымъ въ виду близости театра военныхъ дѣйствій къ Италіи и потому послалъ туда лучшаго своего генерала—Тиберія съ 15 легионами. Нѣтъ сомнѣнія, что диверсія далматинцевъ спасла тогда Германію отъ римскаго завоеванія. Но то были послѣднія судороги самостоятельной жизни вольнолюбиваго народа: римская колонизація сдѣлала свое дѣло, и отнынѣ Иллирикумъ былъ оплотомъ римскаго владычества: его сыновья спасли великую имперію отъ разложенія въ самую критическую эпоху—во вторую половину III в.

Опираясь на вновь организованную провинцію, римляне дѣятельно, еще со временъ Августа, повели дальнѣйшее наступленіе на сѣверъ. Уже при первомъ принцесѣ верхній и средній Дунай сталъ римскою границей, а покореніе Дакии Траяномъ въ 107 г. по Р. Хр. было замѣчательнымъ актомъ римскаго завоеванія. Со своимъ обычнымъ организаторскимъ талантомъ побѣдители сумѣли устроить новыя свои владѣнія. Послѣднія были раздѣлены на нѣсколько провинцій: Далмацію—по побережью Адриатики; Ретію, обнимавшую нынѣшнюю восточную Швейцарію и западный Тиролю, а въ ширину простиравшуюся отъ тессинскихъ озеръ до верхняго Дуная; Норикумъ, обнимавшій приблизительно теперешнюю Каринтію, Штирію и собственно Австрію; Паннонію—нынѣшнюю западную Венгрію. По ту сторону Дуная лежала позднеѣ покоренная Дакия, удержанная римлянами всего въ теченіе 150 лѣтъ. При Галліенѣ она была завоевана германцами, и Аврелианъ переселилъ остатки римскихъ колонистовъ въ Мизію, на южный берегъ Дуная; обѣ же Мизіи обнимали собою нынѣшнюю Сербію, Болгарію и Румынію.

Въ военномъ отношеніи всѣ эти придунайскія провинціи составляли важную часть имперіи. До времени Константина по всей границѣ расположены были легіоны на постоянныхъ квартирахъ, которыя постепенно превращались въ цѣлые города; такъ, напр., Пассау былъ стоянкой батавскихъ когортъ. По всей границѣ, даже на сѣверъ отъ Дуная, тянулся рядъ укрѣпленій, съ многочисленными башнями и вѣжками, какъ это было устроено и на рейнской границѣ; на самой рѣкѣ крейсировала сильная рѣчная флотилія, главная квартира которой находилась въ Вѣнѣ (Vindobona).

Подъ защитой серебряныхъ легіоновъ культура расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ въ первые два вѣка послѣ Р. Хр., въ этотъ счастливѣйшій, быть-можетъ, періодъ исторіи человѣчества. Матеріальная и духовная культура сосредоточилась въ городскихъ общинахъ, которыя густой сѣтью покрыли дикую прежде страну, ибо городское устройство, какъ и въ остальныхъ провинціяхъ, съ его самоуправленіемъ и цеховымъ устройствомъ стало преобладающимъ, замѣнивъ прежнее хуторское разселеніе кельтовъ и германцевъ. Земледѣліе отъ этого не потерпѣло никакого ущерба; если вѣрить сохранившимся источникамъ, Паннонія съ ея сказочно-плодородной почвой, считалась одной изъ житницъ имперіи; римляне цѣнили вино съ береговъ Дуная не меньше, чѣмъ современные европейцы. По плоскогорьямъ пасся рогатый скотъ, и Плиній Старшій не могъ достаточно нахвалиться альпійскими коровами, которыя „хотя и малы ростомъ, но работаютъ лучше всѣхъ и удойнѣе всѣхъ“. По свидѣтельству Страбона, дубовыя рощи Норикума снабжали свининой весь Римъ. Горныя богатства этихъ обѣихъ провинцій были неистощимы. Какъ теперь штирійская сталь идетъ на лучшія косы, такъ и тогда карнутскіе мечи соперничали съ испанскими. Нынѣшнія тирольскія куртки, которыя такъ цѣнитъ каждый туристъ и охотникъ, прославились такъ благодаря особенному качеству шерсти и превосходной обработкѣ: не даромъ римляне въ свои путешествія брали съ собой норійскіе плащи. Паннонскія рѣки и предгорія Карпатъ давали еще нѣкоторое количество намывного и кварцеваго золота: то были единственные пріиски во всей имперіи, объ обработкѣ которыхъ такъ наглядно рассказываетъ Страбонъ. Естественно поэтому, что промышленность расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ, и доказательствомъ тому служить развитіе цеховой жизни: въ одной Аквилѣ ремесленныхъ корпорацій насчитывалось до 35. И торговля сношенія были чрезвычайно оживленныя: Аквилея и Сирміумъ считались крупными торговыми центрами, служившими складочными пунктами для всей германской торговли. Геродіанъ и особенно блаженный Иеронимъ постоянно упоминаютъ о сказочномъ богатствѣ Аквилеи, послѣдній, конечно, съ тѣмъ особеннымъ чувствомъ злобы и презрѣнія, которое проявляли первые христіане къ результатамъ мате-

риальной культуры. Пути для этих сношений были приуготовлены превосходные: римляне были отличными инженерами, строителями смѣлыми и, вмѣстѣ съ тѣмъ, практичными, умѣливыми, гдѣ это было нужно, не жалѣть трудовъ и усилий, и Бреннеръ и Земмерингъ видѣли на хребтѣ своемъ римскихъ землеробовъ. Залитые цементомъ, устроенные на прочномъ полотнѣ, обрытые канавами, обсаженные деревьями, снабженные милліарными знаками, раздѣленные на правильные перегоны, римскіе пути до нашихъ дней остались образцами шоссеинаго искусства, и „языческія дороги“ (Heidenwege) служить и понынѣ на потребу человѣку.

И вся эта блестящая культура медленно начинается сперва хирѣть, а потомъ и совсѣмъ гибнетъ подъ ударами пришлыхъ варваровъ. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на причинахъ, которыя привели къ банкротству античной государственности и культуры. По новѣйшей научной теоріи непосредственной причиной паденія западной римской имперіи были недостатки въ деньгахъ, въ благородныхъ металлахъ, въ звонкой монетѣ. Государство, подобное римскому, не могло существовать при системѣ натуральнаго хозяйства. Такая же сложная и развѣтвленная администрація, какъ римская, требовала много денегъ; еще больше ихъ нужно было для содержанія 400000 арміи, сплошь состоявшей изъ наемниковъ; проведеніе дорогъ, общественныя постройки тоже поглощали огромныя суммы. Безъ денегъ, этого жизненнаго нерва всякой администраціи, имперія не могла существовать. Между тѣмъ, количество благородныхъ металловъ въ странѣ не увеличивалось, а съ каждымъ годомъ уменьшалось. Пока римляне могли грабить сокровищницы покоряемыхъ народовъ, деньги обильной струей притекали въ казну; но съ закругленіемъ „римскаго міра“ во II в. по Р. Хр. источникъ этотъ изсякъ. Добыча же золота и серебра, доведенная до послѣдней степени интенсивности, поскольку позволяли средства тогдашней техники, была очень незначительна. Сколько-нибудь богатыхъ мѣсто-рожденій золота въ римскихъ областяхъ не существовало, если не считать венгерскихъ присковъ. Но и послѣдніе истощились чрезвычайно быстро. До сихъ поръ еще можно видѣть въ Седмиградѣ горы, изрытыя по всѣмъ направленіямъ римскими золотоискателями. Онѣ похожи на муравьиныя кучи: вездѣ пробиты проходы и шахты въ страстныхъ поискахъ за драгоценнымъ металломъ, пробиты въ твердомъ кварцѣ, съ неимовѣрными трудностями, при помощи примитивныхъ инструментовъ, и тамъ нельзя найти теперь ни одной крупинки золота—все взято. А золото, между тѣмъ, исхищалось вслѣдствіе естественнаго закона тренія и благодаря усиленной выплавкѣ на подѣлки; массы его уходили за границу, вслѣдствіе субсидій, которыя римляне мудро платили германскимъ князьямъ. Прибавимъ къ этому безпокойныя времена—страшныя междоусобицы и безпрестанные набѣги варваровъ: всякій

старался запрятать и зарыть свои деньги, и обиліе открытых и открываемых кладовъ служить доказательствомъ того, какъ часто примѣнялось это разорительное средство. Главное же было то, что оживленная римская торговля носила чисто-пассивный характеръ: по свидѣтельству Плинія Старшаго, „женскія украшенія и бездѣлушки“, привозимыя съ дальняго Востока, стоили государству еще въ I в. по Р. Хр. десятки милліоновъ сестерцій ежегодно. Это были безнадежно потерянные деньги: за эти „бездѣлушки“ римляне расплачивались звонкою монетою, ибо вывоза у нихъ не существовало: вывозить-то имъ какъ-разъ было нечего. При исключительномъ господствѣ рабскаго труда, о крупномъ капиталистическомъ производствѣ не могло быть и рѣчи, ибо рабы трудились лишь для удовлетворенія потребностей своихъ господъ.

Деньги, такимъ образомъ, постепенно исчезаютъ изъ обращенія, и силою вещей римское государство было принуждено перейти къ натуральному хозяйству. Императоры, въ громадномъ большинствѣ случаевъ люди очень способные и дѣятельные, отлично поняли размѣры угрожавшей опасности и ради того, чтобы хоть нѣсколько отдалить гибель, рѣшаются на такія отчаянныя средства, какъ ухудшеніе качества монеты или таксацию всѣхъ предметовъ потребленія—эту революціонную мѣру Діоклетіана. Но то были лишь палліативы, которые не могли спасти погибавшую государственность. Безъ денегъ нельзя было платить жалованья чиновникамъ, содержать школы, а, главное, имѣть постоянную армію, и мы видимъ, что уже такой опытный воинъ, такой поборникъ дисциплины, такой генералъ на тронѣ, какъ суровый Септимій Северъ, разрѣшаетъ солдатамъ жить внѣ казармъ на дарованныхъ имъ короною участкахъ земли, со своими семействами. При Константинѣ регулярной арміи почти не существуетъ: только гвардія отчасти напоминаетъ прежніе легіоны, „пограничники“ же (*limitanei*) были лишь милиціей, годной какъ матеріалъ для набора, но не какъ солдаты. Немногочисленные, растянутые длиннымъ кордономъ по безконечнымъ границамъ, они не могутъ оказать должнаго сопротивленія природнымъ воинамъ-грабителямъ, каковыми были зарубежные варвары. Римское правительство выбираетъ изъ двухъ золъ меньшее: чѣмъ давать грабить всѣмъ, оно уступаетъ часть имперскихъ земель варварамъ, которые за то обязуются защищать границу. Но, понятно, такая охрана не могла быть надежной: „союзники“ часто предпочитали присоединиться къ своимъ землякамъ и разбойничать въ предѣлахъ имперіи, чѣмъ заботиться объ ея безопасности. Внутри страны они могли хозяйничать вполне безопасно: войска не было; какая бы то ни было общественная самостоятельность безпощадно подавлялась централизованной бюрократіей, а крестьяне, стонавшіе подъ игомъ крѣпостного права—колоната, раздраженные непомѣрными поборами чиновниковъ, не хотѣли всту-

паться за своих притѣснителей. Германцы не завоевали, а заняли развалившуюся имперію, устроившуюся—было въ большое, современнаго типа, государство, но не имѣвшую средствъ поддержать эту систему.

Страшнымъ предостереженіемъ для римлянъ было уже вторженіе квадовъ и маркоманновъ при Маркѣ-Авреліи. Они дошли до самой Аквилеи, разоривъ Норикумъ, Ретію и Паннонію, увели до 100 тысячъ плѣнныхъ, и только мужество и стойкость философа на тронѣ спасли Италію отъ разгрома. Но успѣхъ былъ лишь временный. Въ эпоху „30-ти тиранновъ“ вся нынѣшняя Австрія была разорена варварами, которые воспользовались наступившимъ лихолѣтьемъ. Энергичные императоры, въ родѣ Клавдія, Авреліана, Проба, Кара, Диоклетіана, наносили имъ пораженія, но уже Авреліану пришлось очистить Дакію. При Константинѣ и первыхъ его преемникахъ на Дунаѣ было сравнительно спокойно, но съ наступленіемъ такъ назыв. эпохи великаго переселенія народовъ римская культура въ томъ краѣ быстро исчезаетъ. Черезъ венгерскую равнину, по теченію Дуная и черезъ альпійскіе проходы переливается тотъ бурный потокъ народностей, который въ теченіе IV, V и VI вв. затопилъ всю Западную Европу. До воцаренія Атилы готы хозяйничали, какъ хотѣли, на берегахъ Дуная, и въ 381 г. они разрушили Петовіумъ только потому, что православные жители изгнали отсюда аріанскаго епископа. Радагайсъ и Аларихъ провели свои отряды черезъ Норикъ, и лишь обезлюдѣвшую пустыню заняли орды гунновъ, постепенно надвигавшихся съ Востока. Атила, правда, центромъ своей великой державы, обвинявшей всю среднюю и восточную Европу, избралъ придунайскія земли, но то была сила разрушительная, а никакъ не созидательная: ничего не оставилъ онъ послѣ себя, кромѣ черной ископыти гуннскихъ коней. На мѣсто прежнихъ городовъ стояли кибитки кочевниковъ, да наскоро возведенныя деревянныя строенія; земледѣліе и промышленность погибли: дикая орда жила отъ своихъ стадъ и грабежомъ. Надо прочесть разсказъ Приска, который вмѣстѣ съ византійскимъ посломъ Максиминѣмъ отправился отъ имени императора съ официальнымъ порученіемъ къ Атилѣ, чтобы убѣдиться, до какого разоренія и запустѣнія дошли цвѣтушія прежде провинціи. Въ Сардиѣ, главномъ городѣ Мизіи, посольству пришлось жить въ палаткахъ: ни одного зданія не оказалось въ цѣлости, и до самой глубины венгерскихъ степей не нашли послы ни одного города. Что дикіе гунны и покоренныя ими германскія и славянскія племена любили этотъ кочевой, бездѣятельный воинственный, образъ жизни—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: онъ отвѣчалъ ихъ потребностямъ, вкусамъ, культурному уровню; но что взятые въ плѣнъ греко-римляне не только мирились со своей новой судьбой, но являлись даже апологетами варварства, доказываетъ, насколько тяжела была жизнь въ ослабѣвшей и разоренной

имперіи. „Да!“ выхвалявалъ свое новое житіе встрѣтившійся Приску плынный грекъ: „разъ военные труды покончены, у гунновъ живишь течешь покойно; что каждый добылъ себѣ, тѣмъ онъ и пользуется безъ помѣхъ; никто его не трогаетъ, никто ему не мѣшаетъ. Война кормитъ скиновъ (т.-е. гунновъ), между тѣмъ какъ она истощаетъ и губитъ тѣхъ, кто живетъ подъ владычествомъ римлянъ. Римскому гражданину приходится для своего спасенія полагаться на наемныя руки, такъ какъ тираны прежде всего запрещаютъ носить оружіе, которое необходимо каждому для защиты... Но бѣдствія войны для римлянъ ничто по сравненію съ бѣдствіями въ мирное время, такъ какъ именно тогда чувствуется больше всего непосильная тяжесть налоговъ, вымогательство агентовъ фиска и притѣсненія сильныхъ міра сего. Иначе и быть не можетъ: передъ закономъ далеко не всѣ равны. Если богатый или знатный преступитъ его, то онъ можетъ безнаказанно пользоваться плодами своего беззаконія; но бѣдный человѣкъ, или тотъ, кто не знаетъ всѣхъ изворотовъ права—о! тому не миновать кары, развѣ что онъ умретъ до произнесенія приговора истощенный, разоренный безконечнымъ процессомъ. Добиваться своего права помощью лишь денегъ—вѣдь это верхъ несправедливости! Какова бы ни была нанесенная обида, испросить рѣшенія римскаго судьи нельзя иначе, какъ предложивъ ему и его приспѣшникамъ известную сумму денегъ“!—Ясное дѣло: отсутствіе стѣснительнаго полицейскаго надзора, отсутствіе тяжкаго податнаго бремени, патриархальный, но праведный по-своему судъ заставляли забывать о благахъ цивилизаціи.

По смерти Аттилы, держава его распалась: гунны удаляются на востокъ, а придунайскія земли занимаютъ гепиды, герулы, готы, руги, лангобарды, которые вихремъ крутятся въ воронкѣ, образуемой карпатскимъ кругомъ, чтобы оттуда низвергнуться на залитую солнцемъ Италію. Послѣдніе слѣды римской цивилизаціи, римскихъ городовъ, самого римскаго населенія сметаются дикими ордами тѣснившихся другъ за другомъ варваровъ. При бѣдности тогдашней культуры, при полномъ паденіи образованности только житія святыхъ бросаютъ тусклый, неровный и невѣрный свѣтъ на тогдашнее положеніе дѣлъ. Особенно драгоцѣнно для исторіи той мѣстности и той эпохи житіе св. Северина, апостола корійскаго, написанное ученикомъ его Евыпіемъ и изданное знаменитыми болландистами подъ 8-мъ днемъ января мѣсяца. За разсказами о чудесахъ, видѣніяхъ и знаменіяхъ можно открыть зерно истины о безотрадномъ состояніи цвѣтущихъ когда-то провинцій. О защитѣ со стороны центрального правительства, которое само съ трудомъ отсиживалось отъ враговъ за стѣнами и болотами крѣпкой Равенны, не было и помину. „Въ то время, какъ существовала римская имперія,—повѣствуетъ почтенный агіографъ,—по городамъ были разставлены

гарнизоны, которые за свою службу получали казенное жалованье. Когда обычай этот прекратился, исчезли и военные отряды: осталось лишь нѣсколько человекъ въ Патавіумѣ. Часть оставшихся отправилась въ Италію, чтобы принести оттуда жалованье товарищамъ, но ни одного изъ нихъ больше не видали, такъ какъ всѣхъ по дорогѣ перебили варвары“. Не хватало людей даже на преслѣдованіе шайкъ разбойниковъ. „Въ тоже время разбойники изъ варваровъ, совершивъ неожиданное нападеніе, увели съ собой нѣкоторое количество людей и скота. Северинъ спросилъ трибуна, достаточно ли у него солдатъ, чтобы тотчасъ погнаться за разбойничками (latrunculos)? Тотъ отвѣчалъ Божьему человѣку: „Воиновъ у меня очень мало (paucissimos), и я не смѣю сразиться съ шайкой враговъ. Но если преподобіе твое прикажетъ, хоть и нѣтъ у насъ военной силы, мы твоими молитвами выйдемъ изъ борьбы побѣдителями“. Понятное дѣло, молитвами Божьяго человѣка варвары были разбиты, но „разбойнички“ и боявшійся вступить съ ними въ бой римскій трибунъ очень характерны для той эпохи. Времена, въ самомъ дѣлѣ, наступили такіа, что за стѣны города нельзя было показаться. „Мавръ, слуга Божьяго человѣка, вопреки приказанію столь дивнаго мужа, по совѣту какого-то мірянина, вышелъ въ полдень за городъ собирать яблокъ, но тотчасъ же былъ схваченъ варварами и увезенъ за Дунай“. Только заступничество святого вызволило его изъ бѣды. Да и въ самихъ городахъ было подчасъ не лучше. „Вскорѣ Гунимундъ, въ сопровожденіи малаго числа варваровъ, напалъ на городъ Патавіумъ, и такъ какъ почти всѣ жители ушли жать въ поле, они перебили оставленную стражу въ числѣ 50 человекъ и сами водворились въ городъ“ : кончилось тѣмъ, что Северинъ всѣхъ жителей Патавіума, очевидно превратившагося въ простую деревню, увелъ за собою въ Лаурианумъ. Слѣдствіемъ безлюдья, разоренья и отсутствія безопасности были неизбѣжныя голодовки. „Когда въ Виндобонѣ (нынѣшней Вѣнѣ) свирѣпствовалъ голодъ, туда пришелъ блаженный Северинъ и сказалъ народу: вы можете поканіемъ спастись отъ голодной смерти“. Установивъ постъ, дивный сей мужъ по откровенію свыше узналъ, что нѣкая вдова, по имени Прокула, скрыла у себя большое количество хлѣба. Выведя ее на середину, онъ обличалъ ее крѣпко: „Почему—спросилъ онъ ее,—родившись отъ благороднѣйшихъ людей, ты стала служанкой корысти и рабой жадности, которая, по ученію св. Апостоловъ, не что иное, какъ служеніе идоламъ? Почему ты, отрицая, что у тебя есть хлѣбъ, бросила его въ волны Дуная и отдала рыбамъ ту пищу, въ которой нуждаются люди? Смотри, помоги лучше себѣ, чѣмъ людямъ. Услышавъ эти слова, жена сія, утраченная страхомъ велимъ, начала щедро раздавать хлѣбъ свой бѣднымъ“. Къ счастью, ледоходъ прошелъ, и въ Вѣну по Дунаю прибылъ грузъ хлѣба,—но каково же

было, значить, экономическое состояніе города, для котораго вопросъ жизни и смерти составляли хлѣбные запасы у одного лишь лица, и какова была анархія, если не коронный чиновникъ, не закованный въ броню легіонарій, а покрытый чернымъ шлыкомъ монахъ распоряжался судьбами цѣлой провинціи! Но именно эти-то люди, кормившіе, утѣшавшіе и спасавшіе обезумѣвшую отъ страха и голода толпу и были тѣмъ камнемъ, на которомъ созиждилось великое зданіе средневѣкового католицизма.

Нѣкоторое спокойствіе наступило на верхнемъ Дунаѣ въ правленіе Теодориха Великаго. Ретія и Норикъ входятъ въ составъ его монархіи, у него есть даже тамъ отдѣльный герцогъ—Серватусъ, которому король поручаетъ слѣдить за пограничными племенами,—лангобардовъ, аллемалповъ—за „варварами“, какъ называлъ ихъ мечтавшій о романизациі германцевъ готскій конунгъ. Но въ серединѣ VI в., во время борьбы Юстиніана съ остготами, придунайскія земли занимаютъ авары, обры нашей лѣтописи, покорившіе всѣ окружныя славянскія племена и, подъ предводительствомъ Баяна, доходившіе до самаго Константинополя. Въ союзъ съ лангобардами они уничтожили гепидовъ; въ свою очередь, и лангобарды ушли въ Италію, и авары остались единственными хозяевами на Дунаѣ, продвинувшись на западъ до самаго Тироля и загнавъ въ горныя ущелья западныя славянскія племена. Авары были настоящими варварами-разбойниками, жадными, жестокими, не поддававшимися культурѣ. Покоренныхъ они безпощадно эксплуатировали, и въ народной памяти они оставили черный слѣдъ. „Въ си-же времена быша Обре“, повѣствуетъ наша древняя лѣтопись; „ходиша на Ираклія царя и мало его не яша. Сеи-же Обре воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сушая Словѣны, и насиле творяше женамъ Дулѣбскимъ: аще поѣхати будеше Обрину, не дадыше впрячи ни коня, ни вола, но веляше впрячи три-ли, четыре-ли, или пять женъ въ телѣгу и повезти Обрина; тако-же мучаху Дулѣбы“. Менѣе образно, но, въ сущности, то же повѣствуетъ и франкскій лѣтописецъ Фредегарій: „Паннонцы прозвали славянъ „Bifulci“, такъ какъ во время сраженія они стояли впереди гунновъ (по классическимъ реминисценціямъ западные писатели называли аваровъ, а потомъ и венгровъ—гуннами, какъ византійскіе послѣднихъ—скинами). Но во время мира славянъ еще больше унижали и угнетали, чѣмъ на полѣ битвы. Когда авары располагались на зимнихъ квартирахъ въ славянскомъ селѣ, они держали себя тамъ деспотами: славянина гнали изъ дома; его жена и дочери оставались на утѣху гостю, его стада и зерно—на его прокормъ, и, сверхъ того, славяне платили тяжкую дань кагану подъ опасеніемъ невыразимыхъ мученій“.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, хищническое государство, основывавшееся исключительно на грубой физической силѣ, быстро слабѣетъ:

послѣ большого похода 626 г. на Византію, окончившагося полной неудачей, аварское ханство распадается. Покоренные славяне возстаютъ и отпадаютъ отъ него, и глухіе отголоски этой борьбы находимъ мы у того же Фредегарія, повѣствующаго о легендарномъ Само, освободителѣ славянъ. Аварамъ пришлось довольствоваться одной венгерской равниной, нынѣшнія же нѣмецкія провинціи Австріи подѣлили между собою лангобарды и баювары-баварцы.

Имя баюваровъ упоминается въ исторіи довольно поздно, лишь въ первой половинѣ VI в. Скорѣе всего въ нихъ слѣдуетъ видѣть остатки прежнихъ маркоманновъ, передвинувшихся изъ Чехіи въ долину Леха. Въ наукѣ дѣлались даже попытки филологически обосновать эту гипотезу: *Bojoarii* и *Bajuvarii* манили, въ самомъ дѣлѣ, на не особенно смѣлое сближеніе между собою. Въ VI вѣкѣ баювары подпали подъ владычество франковъ, которые, пользуясь паденіемъ остготскаго могущества, широко раздвинули свои границы на юго-востокъ. Но съ ослабленіемъ Меровинговъ, со смерти Дагоберта I, баювары возвращаютъ себѣ свою самостоятельность; на цѣлый вѣкъ о нихъ нѣтъ почти никакихъ извѣстій, кромѣ тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя можно почерпнуть опять-таки изъ житій мѣстныхъ святыхъ. Баювары въ то время были еще язычниками, хотя герцоги ихъ уже приняли крещеніе; дочь Гарибальда, принцесса Теоделинда, вышла замужъ за лангобардскаго короля Аутарита и обратила его изъ аrianства въ православіе. Для спасенія еще не узрѣвшихъ свѣта Христова баюварскихъ душъ благочестивые и смѣлые проповѣдники приходили изъ Галліи. Изъ нихъ наибольшую славою пользовался Рупрехтъ Вормсскій, десять лѣтъ прожившій на развалинахъ римскаго города Ювавума, нынѣшняго Зальцбургъ. Мерзость запустѣнія напелъ тамъ Рупрехтъ: раскрытые дома, поваленныя колоннады, обломки общественныхъ зданій—все это густо поросло травой и заросло лѣсомъ. О возстановленіи прежняго величія нечего было и думать: черезъ силу было какъ-нибудь прожить и прокормиться съ помощью уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ жителей-романовъ. Рупрехтъ мужественно принялся за дѣло: вырубилъ и выжорчевалъ лѣсъ, поправилъ наиболѣе сохранившіяся зданія, поднялъ новъ для папши, и на сдѣлавшееся снова жилымъ мѣсто стали отовсюду стекаться переселенцы; словомъ, повторилось обычное для той эпохи явленіе—католическій монахъ изъ прежняго защитника превратился въ культуртрегера, опять-таки въ вѣнцѣ славы своей церкви. Уже при жизни своей Рупрехтъ могъ гордиться основаніемъ и процвѣтаніемъ двухъ общинъ, дѣломъ рукъ своихъ—мужской во имя ап. Петра и женской, помѣщавшейся на Нонненбергѣ.

Наслѣдникъ его Эммерамъ, человѣкъ горячій и великій ревнитель вѣры, не обладалъ, повидимому, тактомъ своего предшественника. Безцеремоннымъ нарушеніемъ сохранившихъ еще свою силу языческихъ